

Императорской
С.-Петербургской Духовной Академіи
Профессоръ А. А. БРОНЗОВЪ.

Графъ Толстой у Кони.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева. Невскій, 8.
1913.

Графъ Толстой у Кони.

Съ одной стороны, уже забываютъ такъ много нашумѣвшаго яснополянскаго «мудреца», за котораго, казалось, готовы были «въ огонь и воду» тысячи, десятки тысячъ почитателей и поклонниковъ...,—готовы были еще такъ недавно, чуть ли не вчера... По крайней мѣрѣ, въ одной столичной газетѣ промелькнуло удивительное сообщеніе: «сегодня», т. е., 28 августа 1913 г., «исполнилось 85 лѣтъ со дня рожденія Толстого. Въ Москвѣ память великаго писателя не почтило ниодно учрежденіе, ниодно общество, не исключая и толстовскихъ» («Колоколъ» за 29-е августа, № 220): «*Вѣсти изъ Москвы. По телефону*»)... Характерно и многозначительно!.. Съ другой, о графѣ и доселѣ пишутъ цѣлыя книги, журнальныя статьи, газетныя замѣтки...,—спорятъ о немъ, пререкаются,—одни возводятъ его чуть ли не въ «святые», другіе втоптываютъ въ грязь... Тѣ, кому это почему-либо выгодно, еще долго, конечно, не перестанутъ шумѣть около имени графа, забывая, однако, въ другихъ случаяхъ... о всѣхъ ого «доблестныхъ» дѣяніяхъ, о «всемирной» его славѣ и пр. Таковы ужъ люди...

Всегда интересуясь литературою о Толстомъ, я натолкнулся на огромную книгу А. О. Кони: «*На жизненномъ пути*», гдѣ—во «второмъ томѣ» изданія—страницы 3—76 посвящены воспоминаніямъ о графѣ (Спб. 1913 г.). Почтенное имя автора и его близкое знакомство съ Толстымъ говорили мнѣ, что я найду въ книгѣ и нѣчто поучительное, и нѣчто, вообще проливающее яркій свѣтъ на міровоззрѣніе графа,—нѣчто, оправдывающее его своеобразныя религіозно-философскіе взгляды, и т. под.

Но, къ сожалѣнію, мои надежды быстро испарились. Сразу-же стало ясно, что почтенный А. Θ. Кони взялся не за свое дѣло. Онъ и графъ бесѣдовали между собою о предметахъ, одинаково неизвѣстныхъ тому и другому. Посему и получились въ результатѣ курьезы, вызывающіе у читателя книги г. Кони неудержимый смѣхъ... Иныя ея мѣста поражаютъ крайней тенденціозностью и т. д.

Но, впрочемъ, все—по порядку...

Чтобъ правильно судить о Толстомъ, для этого прежде всего слѣдовало г. Кони быть безпристрастнымъ, чего, однако, въ отношеніи къ нему сказать нельзя.

Самъ г. Кони заявляетъ, что «трудно говорить» о графѣ «совершенно безпристрастно» (стр. 5). И дѣйствительно, полного безпристрастія у него не ищите. Вообще толстофиламъ все нравится въ ихъ кумирѣ, и они не прочь, пожалуй,—подобно той «дѣвушкѣ»-психопаткѣ, о которой разсказывается въ книгѣ (стр. 38—39),—ни съ того, ни съ сего «броситься передъ нимъ» даже «на колѣни» хотя бы въ вагонѣ «конки». Поэтому бесѣдовать съ поклонниками графа—трудъ неблагодарный. Въ частности, самъ г. Кони заявляетъ о себѣ, что «не любятъ спорить, давно уже раздѣливъ убѣжденіе, что мнѣнія людей, создавшіяся самостоятельно, похожи на гвозди: чѣмъ сильнѣе по нимъ бить, тѣмъ глубже они входятъ» (стр. 10). А если мнѣнія—ошибочны? Ужели, не смотря на неопровержимыя доказательства противника, онъ тѣмъ болѣе будетъ въ нихъ упорствовать? Удивительно!

Не обѣщая полного безпристрастія въ своихъ сужденіяхъ о Толстомъ, г. Кони отсюда не неожиданно, съ одной стороны, по адресу графа расточаетъ безъ мѣры и числа всякаго рода похвалы, рѣдкіе панегирики..., а съ другой, не особенно лестно отзываясь огульно о всѣхъ его критикахъ, не толстовски мыслящихъ. Такое отношеніе къ лицамъ оставляетъ въ читателѣ самое грустное впечатлѣніе. Тенденціозность, пристрастіе, субъективизмъ!.. До истины съ ними не дойти...

Толстой, видите ли, это—«духовное свѣтило, лучами котораго столь многіе, чуждые ему по языку и по племени, надѣялись освѣтить запросы неудовлетворенной души и смущеннаго сердца» (стр. 4). Графъ — «Гомеръ русской *Иліады*» (стр. 10)... «Что бы» Толстой «ни изображалъ,—вездѣ и во всемъ звучитъ голосъ неотразимой житейской правды» (стр. 6). Толстой «отдался исканію правды» (стр. 7)... Онъ «стремится

всею силою своего таланта служить разрѣшенію назрѣвающихъ вопросовъ жизни, во имя и съ цѣлію уменьшенія страданій и господства дѣйствительной, а не формальной только справедливости» (ibid). «Обитатели яснополянскаго дома были... готовы во всякое время притти на помощь въ болѣзни, несчастіи и недостаткѣ..., понять чужую скорбь»... (стр. 15—16). Во главѣ этихъ «обитателей» стоялъ, конечно, самъ графъ. «Про» послѣдняго, далѣе, «можно»-де «сказать тоже, что было сказано о Пушкинѣ: *это—великое явленіе русской жизни*,—отразившее въ себѣ всѣ лучшія стороны исторически сложившагося русскаго быта и русской духовной природы. Даже въ отрицаніи имъ началъ національности... сказала»-де «ширина и смѣлость русской натуры» и т. д. (стр. 18). Толстой—«горячій заступникъ за разныхъ *униженныхъ и оскорбленныхъ, труждающихся и обремененныхъ*, во имя справедливости и человечности» (стр. 51) и пр. Вотъ—кто яснополянскій графъ!

А лица, способныя, вопреки г. Кони, «безпристрастно» разобраться въ ученіи Толстою, правдиво оцѣнить его личность и дѣятельность? Они, видите-ли, «ослѣплены безсильной по отношенію къ нему злобой и умышленнымъ непониманіемъ» (стр. 5)... Сознаваясь въ своемъ пристрастіи къ графу и, слѣдовательно, пизводя цѣнность своихъ сужденій о Толстомъ до степени нуля (развѣ можно иначе думать о пристрастномъ судѣ?), г. Кони, не смотря на это, съ развязностью говоритъ объ «узкомъ и цѣльномъ *критиканствѣ* разныхъ зоиловъ и проповѣдниковъ сыска въ частной и домашней жизни»... (стр. 33). Разумѣются, конечно, люди, дерзнувшіе имѣть свое сужденіе о пресловутомъ графѣ и не слушающіе камертона г. Кони и К^о. «Нѣкоторые изъ людей противоположнаго лагеря», заявляетъ г. Кони, «относятся къ Толстому свысока»... Они-де «вращаются въ узкомъ кругозорѣ» и т. д. (стр. 55)...

Всякій читатель, конечно, ожидалъ, имѣлъ непререкемое право ожидать отъ г. Кони какого-либо обоснованія его столь рѣзкихъ и неприличныхъ обвиненій, щедро разсыпанныхъ по адресу неугодныхъ ему лицъ. Но г. Кони до этого не нисходитъ. Онъ даже не называетъ именъ послѣднихъ, чтобъ обезопасить себя отъ непріятныхъ ему отвѣтовъ... Оригинальный литературный пріемъ! Затѣмъ крайне интересно было-бы знать о тѣхъ основаніяхъ, по которымъ г. Кони утверждаетъ, что будто-бы люди «иначе» мыслящіе о Толстомъ руководятся въ своихъ сужденіяхъ «безсильной» лишь «злобой» и «умышлен-

нымъ непониманіемъ». Такихъ основаній онъ не приводитъ, и потому его заявленія не имѣютъ никакого значенія и даже смысла. И всякій, посему, съ полнымъ правомъ можетъ обвинить самого г. Кони и въ «безсильной» (это безусловно вѣрно) «злобѣ», и въ «умышленномъ» «непониманіи» другихъ,—а въ нѣкоторыхъ случаяхъ,—прибавимъ,—и въ неспособности понимать своихъ противниковъ. Предъ нами — краснорѣчивый примѣръ изъ его же книги. На стр. 817 г. Кони полемизируетъ съ проф.-прот. Т. И. Буткевичемъ. Почтенный богословъ спросилъ г. Кони: «въ какой Библіи» послѣдній «могъ отыскать свѣдѣнія о сотвореніи мужчины и женщины равными» и т. д.? А спрошенный,—вмѣсто того, чтобъ отвѣтить на вопросъ,—приводитъ выдержку изъ «Записной книжки» Достоевскаго, говорящую совсѣмъ о другомъ. Во-истину поразительно такое литературное крючкотворство... Можно-ли до такой степени не понимать ни Достоевскаго, ни ближайшимъ образомъ о. Буткевича? Пристрастный г. Кони старается изо всѣхъ силъ наговорить какъ можно больше непріятностей и колкостей по адресу своихъ противниковъ. И «зоилы»-то они непременно, и только «критиканы», но ужъ никакъ не критики, да и критиканы-то, видите-ли, только «узкіе и нелѣпые»... А затѣмъ какъ-же г. Кони не воспользоваться и давно знакомымъ ему языкомъ и не обозвать ихъ — противниковъ графа — «проповѣдниками сыска»? Сами, конечно, виноваты, такъ какъ позволили и позволяютъ себѣ «относиться къ Толстому свысока»... Какіе-то лиллипуты къ Гуливеру, по меньшей мѣрѣ...

Дальше итти уже некуда... И г. Кони въ своихъ словесныхъ, безусловно бездоказательныхъ ругательствахъ, щедро расточаемыхъ имъ по адресу толстовскихъ противниковъ, кажется, побилъ всякій рекордъ. Впрочемъ, оставимъ ихъ въ сторонѣ и перейдемъ къ самому Толстому, восхваляемому, какъ мы уже видѣли, господиномъ Кони.

Здѣсь, вопреки послѣднему, мы должны сказать, что лишь психопаты и люди недалекіе, невѣжды разные могли и могутъ надѣяться найти у Толстого разрѣшеніе жизненныхъ вопросовъ. Извѣстный англійскій писатель г. Кальдеронъ, котораго,—думаю,—даже и г. Кони, при всей его развязности, не рѣшится назвать «зоиломъ» въ кавычкахъ и критиканомъ «узкимъ и нелѣпымъ», говорить: «благовѣстіе Толстого во всѣхъ частяхъ своихъ стоятъ въ противорѣчьи не только съ разумомъ и опытомъ, но и само съ собою» («*Правда о графѣ Львѣ*

Толстомъ; Москва, 1901 г., стр. 8; это—переводъ статьи «извѣстнаго лондонскаго журнала Monthly Review», носящей заголовокъ: «The Wrong Tolstoi»). Многому, г. Кони, можно поучиться у такого пророка! Умъ за разумъ зайдетъ... «Если-бы»,—говоритъ г. Кальдеронъ.—«когда-нибудь обезумѣть весь міръ и стать-бы примѣнять Толстовскую теорію... населенію пришлось-бы бѣжать изъ Англіи, Франціи, Германіи, Россіи»... (стр. 13). Безумные,—выходить,—да...,—они и только они могутъ искать свѣта тамъ, гдѣ лишь одна тьма..., и учиться чему-либо у подобнаго графу мыслителя, не считающагося ни съ логикой, ни со здравымъ смысломъ вообще. Положимъ, что кто-нибудь захотѣлъ-бы (представимъ примѣръ) поучиться у Толстого «обязанности женщинъ». Въ виду обилія (по крайней мѣрѣ, на словахъ) психопатокъ-толстовокъ, разныхъ безграмотныхъ и просто глупыхъ истеричекъ, данный примѣръ получаетъ особенно-выдающееся значеніе. «Христіанинъ», говоритъ графъ «(въ эпилогѣ *Крейцеровой сонаты*), долженъ неизмѣнно избѣгать брака»,—онъ «не можетъ смотрѣть на плотское совокупленіе иначе, какъ на грѣхъ» (стр. 22—23 *ibid.*). Ясно и опредѣленно. Въ сочиненіи «*Что намъ дѣлать*» тотъ-же графъ, однако, пишетъ: «мужу и женѣ данъ каждому свой законъ: ...женѣ—законъ дѣторожденія... Законъ неизмѣнный..., и нарушение его неминуемо наказывается смертью... Если вы—вѣрныя матери», то «сколько-бы ни было у васъ дѣтей, двое или двадцать,—не можете сказать: довольно»... (стр. 23). Тоже ясно и опредѣленно. Какъ-же, однако, поступать-то «ученикамъ» графа? Вѣдь что-либо одно: или бракъ, или дѣвство. Нельзя-же совмѣстить другъ съ другомъ половое (совершенное) воздержаніе и дѣторожденіе. А между тѣмъ Толстой одинаково требуетъ и того, и другого. Вотъ тутъ и разберитесь... Вотъ, г. Кони, каковъ Вашъ графъ, «освѣщающій» (???) «запросы неудовлетворенной» (чѣмъ?) «души и смущеннаго» (чѣмъ?) «сердца». Одни пустыя слова—и только! Пустословіе и болтословіе! Хорошо учительство!

До «Иліады»-то Толстому очень и очень далеко, что-бы тамъ ни «голосили» его поклонники, которые только и «видятъ свѣтъ», что «изъ своего окошка»... Но, впрочемъ, не въ этомъ дѣло..., а въ другомъ: въ томъ, что въ дѣйствительности у Толстого далеко не «звучитъ вездѣ и во всемъ голосъ неотразимой житейской правды»,—что «уменьшеніе страданій и господство» подлинной «справедливости» не составляли пред-

мета «стремленій» графскихъ,—что графская «помощь» окружающимъ частенько была болѣе, чѣмъ сомнительна,—что лица, за которыхъ Толстой «горячо заступался», были болѣе, чѣмъ подозрительны, при чемъ ни «справедливость», ни «человѣчность» не играли, можно сказать, ни малѣйшей роли.

Въ самомъ дѣлѣ, графъ Толстой и «правда»! Толстой, извратившій все Евангеліе,—искажпвшій, въ угоду своему гнилому міровоззрѣнію, евангельскій текстъ вопреки элементарнѣйшимъ даже законамъ филологіи, исторіи и здраваго смысла,—и «правда»! Толстой, злостно придумавшій исторію возникновенія Церкви и цинично изложившій ее въ своемъ кабацкомъ произведеніи «*Возстановленіе ада*»,—и «правда»! Толстой, проновѣдующій противъ «всякой собственности», отречение отъ «жены и дѣтей» и въ то же время «живущій со своимъ семействомъ» при «всѣхъ удобствахъ жизни», въ отцовскомъ родовомъ «помѣстьѣ Тульской губерніи»... (см. «*Правд. о...* Толст.», стр. 9),—и «правда»! Толстой, громающій государство и, конечно, полицію и въ то же время обращающійся къ ея помощи въ «освободительные» годы.—и «правда»! Толстой, извратившій въ своей «*Власти тьмы*» истинную деревенскую жизнь, опять въ угоду своей безудержной фантазіи (см. объ этомъ мою статью: «*Къ характеристикѣ нравственной стороны современнаго общества*»...: «*Христ. Чтеніе*»—1896 г., май—іюнь),—и «житейская правда»! Толстой, проповѣдующій «анархизмъ», и «правда»!.. Толстой, ревнующій о «буддистскомъ состраданіи къ насѣкомымъ» (стр. 21 у *Кони*) и «съ дѣтскою радостью» «собирающій ихъ въ свою шапюнку» (!!),—и «правда»! Толстой, жалѣющій блоху и охотящійся «за вальдшнепами» («*Нов. Вр.*»; 1913 г., 13 сент., № 13472: «*Отъ деревенской идилліи къ драмѣ*»),—и «правда»! Толстой, цинично пониравшій Церковь и ея уставы и глумившійся надъ всѣмъ святымъ въ ней, въ христіанствѣ (см. мои статьи: а) «*Другъ или врагъ Христовъ Толстой*»—«*Христ. Чт.*», 1912 г., мартъ—апрѣль; б) «*Отпугиваніе Толстого*»—*ibid.* 1913 г., февр.), — «отрекшійся» «отъ Церкви, называющей себя православною» (см. «*Полное собраніе сочиненій Толстого*; книгоиздат. «*Ясная Поляна*», СПБ. 1907 г., т. 2, стр. 716), и въ то же время возмущающійся отлученіемъ его отъ нея, называя «постановленіе Синода» объ отлученіи «незаконнымъ, произвольнымъ, неосновательнымъ, неправдивымъ, содержащимъ въ себѣ кле-

вету и подстрекательство къ дурнымъ чувствамъ и поступкамъ»... (стр. 714),—и «правда»!.. Нѣтъ, истинную правду найдете скорѣе всего—гдѣ угодно, но только не у Толстого, который въ угоду своей сатанинской гордости готовъ былъ пожертвовать всѣмъ: и правдою, и Самимъ Господомъ нашимъ І. Христомъ, спокойно изрыгая хулу на Самого Св. Духа (см. цитов. мою статью: «Отпѣваніе»...)..., — готовъ былъ пожертвовать и пожертвовалъ...

Какъ помогаль графъ ближнимъ, это также хорошо извѣстно. Въ свое время констатировано было въ печати, что избы крестьянъ яснополянскихъ представляли собою нѣчто безконечно жалкое, что сами крестьяне бѣдствовали, что крестьянскія дѣвушки иногда принуждены были, изъ-за бѣдности, продаваться въ большихъ городахъ, куда уходили искать заработка, и пр. (чит., напр., мою статью: «Послѣдній христіанинъ»—«Церк. Вѣстникъ» за 1911 г., №№ 5—6). И что-же? Толстой, мечтавшій будто бы о любви къ человѣчеству, проявилъ сколько-нибудь осязательно дѣйствительную любовь къ яснополянскимъ крестьянамъ, пришелъ къ нимъ на помощь? Нисколько... И не подумалъ. А когда,—помнится,—пойманные на мѣстѣ преступленія крестьяне-хищники толстовскаго лѣса просили графа заступиться за нихъ,—то онъ заступился? Нѣтъ, онъ прочиталъ имъ что-то въ родѣ нотации и прибавилъ, что лѣсъ-де принадлежитъ не ему, что онъ-де отказался отъ собственности и потому въ данномъ случаѣ не можетъ ничего сдѣлать... (ср. *ibid.*). Толстой, объявившій, что его произведеніями свободно можетъ располагать всякій, перепечатывать ихъ и т. д.—въ свою очередь, также потомъ пришелъ на помощь... своему собственному карману, продавъ свое «Воскресеніе» за огромный гонораръ издателю журн. «Нива», который,—писали въ газетахъ,—не поперемонился съ лицами, перепечатавшими толстовское произведеніе... А отказываясь отъ исполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя въ окружномъ судѣ и откупаясь «рублями», имъ какъ будто бы и презираемыми (въ теоріи, разумѣется, но никакъ не на практикѣ!) (см. «Правда»..., цитов. выше: стр. 19), графъ развѣ не взваливалъ своей, неисполненной имъ, обязанности на другихъ? И въ этомъ-ли проявлялась его помощь другимъ? Такъ-то онъ «уменьшалъ» ихъ «страданія»... Такъ-то ратовалъ за подлинную «справедливость»... «Когда», далѣе, «являлись» къ графу какія-то «дамы съ тѣмъ, чтобъ у него учиться жить»,

онъ помогъ имъ? Нѣтъ, онъ «выходилъ изъ себя, а графиня выживала ихъ изъ дому» (стр. 18—19). Коротко и ясно. Ужъ не то-ли считать за помощь ближнимъ, что чужими деньгами онъ надѣлялъ голодавшихъ, всячески рисуясь и драпируясь,—что какой-то Аксинья или Магренъ смѣхотворно «клалъ печь», что шилъ никому ненужные сапоги. которыхъ нельзя было надѣть и на ноги, но которые за-то психопаты «хранили въ стеклянныхъ ковчегахъ» (стр. 19),—что, стоя за сохой въ полѣ или въ неприличномъ костюмѣ въ ручѣ, позировалъ предъ фотографами, художниками?..

Толстой,—не забываете,—ходатайствовалъ за «униженныхъ и оскорбленныхъ», «труждающихся и обремененныхъ», «во имя справедливости и человѣчности» (стр. 51 у *Кони*)... Не говорю уже о томъ, что если еще допустимо въ подобныхъ книгѣ Кони сочиненіяхъ заимствование у Достоевскаго («униженные» и т. д.), то ужъ совсѣмъ непристойно пользоваться выраженіями евангельскими («труждающіеся и обремененные»). Ужъ не хочетъ ли г. Кони поставить Толстого на одну линію ни больше, ни меньше, какъ съ Самимъ Господомъ? Отъ нашихъ «интеллигентовъ», пожалуй, всего можно ожидать... Но, повторяю, объ этомъ не говорю... Дѣло въ другомъ: что это за «униженные» и т. д.? Кто ихъ «оскорбилъ», «обременилъ» и пр.? Это,—видите-ли,—сектанты, оскорбленные Церковію, государствомъ русскимъ и православнымъ.

Кони всячески восхваляетъ ихъ—«людей, имѣвшихъ смѣлость, повинуваясь голосу совѣсти, не желать укладывать свое религіозное чувство и исповѣданіе вѣры въ установленныя и окаменѣлыя рамки» (стр. 52 у *Кони*). Подъ «рамками» столь нелестными разумѣются, конечно, рамки православныя, православное ученіе. «Окаменѣлыя»! Хороша аттестація! Но она, кромѣ того, и безусловно невѣрна. Тамъ, гдѣ «жизнь», могутъ видѣть окаменѣлость только гг. Кони и подобные имъ, видимо не имѣющіе никакого въ сущности представленія о нашей православной Церкви. Для окаменѣлыхъ все окаменѣло, кромѣ сектантовъ, о которыхъ въ наши дни такъ хлопотеть и матерински заботится російская пресловутая интеллигенція. Люди, о которыхъ, видите ли, пекся графъ, «были по болышей части глубоко вѣрующіе» и т. д. Ихъ «гнали», «разрушали ихъ семейный бытъ» и пр. Все это «возмущало и волновало» Толстого... Эти люди—«молокане» и подобные имъ (стр. 52—53 у *Кони*). Какъ же,—скажемъ,—не плакать

о «молоканахъ» и не восхвалять ихъ всячески? Вѣдь они «предаются» «безшабашному пьянству и разгулу», по словамъ «извѣстнаго знатока молоканскаго быта С. В. Максимова» (см. у проф.-прот. Т. И. Буткевича: «Обзоръ русскихъ сектъ и ихъ толковъ»; Харьковъ, 1910 г., стр. 366). По словамъ «К. К. Максимова», «въ г. Карсѣ пьянство молоканъ уже всѣмъ извѣстно, а затѣмъ, когда они ѣдутъ изъ города въ свои селенія, лучше не попадайся на дорогѣ: и оскорбить всячески, и побьютъ. На югѣ Россіи, особенно въ Таврической губерніи, молокане за свою дурную и развратную жизнь уже давно пользуются самою худюю славой; а слово *молоканинъ* стало позорнымъ» (ibid). У молоканъ «совершаются ужасные разбои, грабежи, поджоги, всякій развратъ и даже убійства» (чит. «трудъ членовъ 4-го Всероссийскаго Миссіонерскаго Съѣзда», редактированный и изданный М. А. Калневымъ: «Русскіе сектанты, ихъ ученіе, культъ и способы пропаганды»; Одесса, 1911 г., стр. 32). «Проникнутые атеизмомъ и соціально-анархическими взглядами..., молокане-толстовцы являются моральною язвою въ жизни окружающихъ ихъ крестьянъ» (стр. 35)... Во-истину удивляться нужно тѣмъ симпатіямъ къ этого рода сектантамъ, какія къ нимъ имѣютъ г. Кони и покойный графъ Толстой! Хороши «униженные и оскорбленные»! Хороши «труждающіеся и обремененные»! Они—и развратники, и убійцы, и пр. Насильники и анархисты!.. Какъ-же въ самомъ дѣлѣ не заступиться за нихъ? «Во имя справедливости и человѣчности»... По логикѣ г.г. Кони и пр. «справедливость» состоитъ въ томъ что-ли, чтобъ всячески заступаться за призываемыхъ къ порядку безобразниковъ и пьяницъ, не дающихъ просто жить другимъ и заражающихъ этихъ послѣднихъ,—а «человѣчность»—въ томъ, чтобъ защищать этихъ разбойниковъ и убійцъ?.. И еще г. Кони жалостливо говоритъ о нихъ, что и «вѣрующіе»-то они «глубоко», и «преданные завѣтамъ отцовъ и дѣдовъ» люди, и «трезвые», и «трудящіеся», и ведутъ «строгую семейную жизнь», и пр. (стр. 52 у Кони). Атеисты-то, анархисты-то, пьяницы, развратники, не дающіе никому проходу! Можно-ли еще больше издѣваться надъ читателями, г. Кони?.. Ужъ за одно бы упомянуть о «духоборахъ», которые, по милости Толстого, лишились своего отечества, переселились въ Америку и бѣдствуютъ безконечно, проклиная и графа, и всѣхъ его клеветовъ (чит. у г. Тверского: «Духоборческая эпопея»—Спб. 1900 г. и «Новыя главы ду-

хоборческой эпопеи»—Спб. 1901 г.). «Раззоривъ тысячи сектантскихъ семействъ и лишивъ ихъ родной страны» (*Кальнева М. А.*—стр. 24), развѣ и въ самомъ дѣлѣ графъ не былъ въ этомъ случаѣ благодѣтелемъ, «человѣчнымъ»,—развѣ онъ не «уменьшалъ» ихъ «страданій»? Знаете, что г. Кони? Не слѣдовало умалчивать и объ этомъ благодѣянiи Толстого... Ужъ разоблачать его «человѣчныя» дѣянія, такъ возможно большее ихъ число. Не такъ ли? Скромность только вредитъ дѣлу... Да.

Ужъ хвалить—такъ хвалить... Другими словами: ужъ если сочинительствовать—такъ сочинительствовать... Даже,—видите ли,—въ толстовскомъ «отрицанiи началъ національности», какъ уже отмѣчено выше, «сказалась ширина и смѣлость русской натуры». При чемъ, однако, тутъ «русская натура» и ея «смѣлость» и «ширина», это извѣстно только одному г. Кони и рѣшительно никому другому. Истинная «русская натура», наоборотъ, всегда подчеркивала эти «начала національности» своей. Это всегда было и всякому, кромѣ г. Кони, извѣстно. А когда «русская натура» начала портиться подъ влiянiемъ разныхъ гнилыхъ, тлетворныхъ вѣяній не-русскихъ (масонскихъ, социалистическихъ, анархическихъ...), тогда и явились среди русскихъ пашынокъ (а не подлинныхъ сыновъ Россiи) эти отрицатели. Не въ добродѣтель, г. Кони, слѣдовало поставить Толстому его космополитическiя наклонности, а въ порокъ (объ этомъ чит. мою лекцію: «*О любви къ отечеству. По поводу взглядовъ на этотъ предметъ графа Толстого*»; Спб. 1901 г. Чит. также мою статью: «*Предосудителенъ ли патріотизмъ. По поводу литографированнаго письма графа Л. Толстого къ одному англичанину: Патріотизмъ или миръ*»...; «Христ. Чтен.»—1900 г., май. Чит. еще мою лекцію: «*Любовь къ отечеству*»,—Спб. 1912 г.; перепечатана въ «Голосъ Церкви»: 1912 г., августъ: «*Любовь къ отечеству*»). Это чувствовалъ несомнѣнно и самъ графъ, когда невольно измѣнилъ своимъ фальшивымъ и дурнымъ космополитическимъ взглядамъ и скорбѣлъ о русскихъ неудачахъ въ японскую войну, что отмѣчаетъ и самъ г. Кони (стр. 40: «извѣстiе о гибели Макарова чрезвычайно его»—графа—«разстроило»; стр. 47: графъ «былъ слишкомъ удрученъ общимъ горемъ—войною»; стр. 67: Толстой былъ «въ нервномъ и удрученномъ состоянiи подъ влiянiемъ... злополучной русско-японской войны» и пр. и пр.). Нѣтъ, г. Кони, космополитъ-графъ, за какого онъ себя выдавать, никогда не могъ быть подобенъ Пушкину и «отражать въ себѣ», какъ

таковой, «всѣ лучшія стороны исторически-сложившагося русскаго быта и русской духовной природы». Не таковы были во всѣ времена великіе и даже просто *русскіе* люди,—не бари, выросшіе въ противоестественныхъ условіяхъ, перебывшіеся въ свое время, бездѣльничавшіе въ сущности въ теченіе всей своей жизни, а потомъ вздумавшіе морализировать отъ скуки и просвѣщать другихъ...

Космополитъ по убѣжденіямъ, порвавшій давно уже съ родною православною Церковію..., графъ Толстой ео ipso потерялъ и способность отличать бѣлое отъ чернаго и черное отъ бѣлаго. Посему немудрено, что онъ,—если вѣрить г. Кони,—съ прискорбіемъ смотрѣлъ на «высылку за границу» извѣстнаго Черткова «въ 1897 г.»—«въ то время постыдной религіозной нетерпимости». Впрочемъ-де, графъ отнесся къ этому факту «возвышенно и всепрощающе»... (стр. 38 у *Кони*)..., съ тою «кротостью», какою-де «первые христіане побѣдили міръ» (*ibid.*)...

Раздѣляя дикіе взгляды Толстого, Кони непростительно умалчиваетъ о томъ, что въ указываемое имъ «время постыдной религіозной нетерпимости» графу дозволялось безнаказанно проповѣдывать всякій вздоръ въ религіозной области и крайне смущать и соблазнять «малыхъ сихъ»... Хороша была «религіозная нетерпимость», да еще «постыдная»! Не лучше ли было бы г. Кони сказать: «постыдное попустительство», благодаря которому Толстой кривлялся и кликушествовалъ свободно и невозбранно? Издатель циничныхъ и безнравственныхъ сочиненій Толстого—Чертковъ уже за это одно долженъ былъ быть высланъ изъ Россіи, въ которой онъ распространялъ духовный ядъ. И скорбѣть объ этомъ могли только злые или безразличные въ сущности къ добру и ко злу люди. Вѣдь, еслибъ въ Вашей семьѣ, читатель, кто-либо посторонній сталъ сѣять зло, развратъ, то Вы несомнѣнно выгнали бы его немедленно..., и никто не осудилъ бы Васъ. Никому не пришло бы даже и въ голову осудить Васъ. Только злой человѣкъ или такой, для котораго одинаково безразличны и хорошее, и дурное, и нравственное, и безнравственное, могъ бы отнестись къ Вамъ иначе. По логикѣ же Толстого и Кони выходитъ такъ: забрался ко мнѣ хулиганъ и безобразничаетъ; я выставляю его за двери; слѣдовательно, съ моей стороны проявлена «постыдная нетерпимость»... Логика образцовая и завидная! Только пусть ужъ она остается въ распоряженіи графа и его друга...

Графъ, видите ли, «поражалъ возвышеннымъ и всепрощающимъ отношеніемъ къ тому, что было сдѣлано съ Чертковымъ» (стр. 38 у *Кони*). Еще бы: «свой своему поневолѣ братъ»... А послушали бы Вы, какъ этотъ гуманнѣйшій графъ ругательски—ругалъ своихъ противниковъ, всѣхъ съ нимъ несогласныхъ!.. Его «озлобленіе» ко всѣмъ инако мыслящимъ и его «свирѣпыя, самыя свирѣпыя проклятія» по адресу даже «воображаемыхъ» только «враговъ» (см. «*Новое Время*»: № 12344 отъ 25 іюля 1910 г.: *М. О. Меньшикова «Письма къ близкимъ»*) расточались имъ щедро направо и налево до недопустимаго ни для какого порядочнаго человѣка циничнаго глумленія надъ Самимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и надъ Его святою Церковію (чит. мои статьи: а) «*Почитателямъ Толстого*»: «*Колоколъ*» за 18 ноября 1911 г., № 1688; за 19 ноября, № 1689; б) «*Зналъ ли Толстой Евангеліе*»: *ibid.* за 5 ноября 1911 г., № 1678; в) «*Послѣднее слово толстовцамъ*»: *ibid.* за 16 декабря 1911 г., № 1710; г) «*Послѣдній христіанинъ*»: «*Ц. Вѣсти*» №№ 5—6 за 1911 г. и д) другія, цитованныя выше). Не дай Богъ никому толстовской «кротости» съ ея «Веельзевуломъ» и сотнями «чертей», столь милыхъ и любезныхъ графу (чит. его «*Возстановленіе ада*»; СПб. 1905 г.)... Г. Чертковъ (чит. газетныя вѣсти), однако, достаточно отблагодарилъ Толстого въ послѣдніе дни его жизни и по смерти. Исторія, впрочемъ, всѣмъ еще хорошо памятная, да и по имѣющая къ нашей рѣчи прямого отношенія. Не даромъ Черткова называли «злымъ геніемъ» покойнаго графа. Да, стоило послѣднему въ свое время распинаться за этого «генія»...

Въ своей характеристикѣ Толстого Кони знакомитъ читателя и, при томъ, очень ярко и съ образомъ жизни графа, и съ его сочиненіями и содержащимися въ нихъ взглядами, помпмо тѣхъ, какіе уже выше отмѣчены нами.

Интересно, конечно, познакомить со всѣмъ этимъ нашихъ читателей.

Жизнь графа текла очень весело. «Всѣ» въ Ясной Полянѣ, а «въ томъ числѣ» и Толстой, «вставали... довольно поздно, около 9 часовъ утра», когда люди добрые уже успѣваютъ достаточно поработаться, особенно въ деревнѣ. Всталъ графъ «отъ сна»... и, —думаете, —за дѣло? Нѣтъ. «До 11 про-

должалось питье чаю, иногда въ нѣсколько приемовъ...» Въ 11 часовъ «Толстой шелъ къ себѣ, читалъ почту и газеты и принималъ посѣтителей, которые наѣзжали въ Ясную ежедневно»... (стр. 11 у *Кони*)... Пока, какъ видите, еще одно сладкое ничего-недѣланіе. Поблагодумствовавъ въ обществѣ большей частью праздныхъ людей, которымъ дѣлать нечего и которые поэтому чаще всего и пріѣзжали въ Ясную Поляну «на зрѣлище»...,—графъ,—полагаете,—принимался за дѣло? Ничуть не бывало. «Къ часу... собирались завтракать»... Послѣ завтрака онъ чѣмъ-то занимался нѣкоторое время, но уже въ «пять часовъ» «выходилъ пройтись по деревнѣ и по парку послѣ усиленнаго» (О! Господи!) «труда за письменнымъ столомъ. Въ 6 часовъ всѣ обѣдали сытно и вкусно» (!!!). «Полчаса послѣ обѣда проводилось на террасѣ... за питьемъ кофе и куреньемъ. Пріѣзжали знакомые..., приходили деревенскія дѣти»... Графъ «слушалъ дѣтскій шумъ и хохотъ, обмѣнивался короткими фразами съ окружающими и... курилъ папиросу»... (стр. 12)... «Послѣ 7 часовъ все» бездѣльничавшее «общество... подъ его предводительствомъ совершало... болѣе, чѣмъ двухчасовую, прогулку... Около половины десятаго всѣ возвращались къ самовару, простоквашѣ и легкимъ закускамъ»... Не житье, а масляница! Но этимъ «трудовой» день еще не оканчивался. «Начиналась общая непринужденная» (!) «бесѣда, иногда прерываемая... пѣніемъ молодежи, которая исполняла хоромъ цыганскія пѣсни или... частушки». Графъ «весело улыбался, прислушиваясь» (!) «къ тому, какъ молодые голоса выводили:... Конфета моя леденистая..., Дайте ножикъ, дайте вилку—я зарѣжу своею милку»... (стр. 12—13 у *Кони*)... Поучительно! Вразумительно! «Около полуночи всѣ расходились» (стр. 13). Во-истину трудовой день! Во-истину графъ былъ «не деревенскій лежебокъ, а человѣкъ, которому знакомы, по опыту, тяжелый трудъ» и т. д. (стр. 16; ср. стр. 36). Только интересно было-бы сосчитать число рабочихъ часовъ... Ревнующіе даже о 7-ми-часовомъ рабочемъ днѣ и добившіеся его умерли бы отъ зависти. Во-истину графъ былъ «свой» для яснополянскихъ крестьянъ (стр. 16)! Онъ... не принадлежалъ къ числу презрѣнныхъ «господишекъ» (ibid.). Еще бы! Чай, прогулки, завтраки, обѣды, разговоры, «Конфеты леденистыя», «взрывы неудержимаго... веселья или звуки балалаекъ»... (стр. 36)... Да развѣ тутъ есть что-либо, характеризующее «господишекъ»? Очень много курьезнаго о жизни

графа сообщаютъ «*Записки Анны Сейронъ. Шестъ лѣтъ въ домѣ... Толстого*» (СПБ. 1895 г.)... «Свой» крестьянамъ и трудящійся. подобно (!) имъ, графъ обставленъ комфортомъ,— правда, иногда въ мужицкомъ «тулупѣ», но въ тоже время «передъ нимъ два серебряныхъ подсвѣчника»... «Свой» крестьянамъ, графъ «не чуждался и велосипеда». Трудящійся графъ «присоединялся къ молодежи» «даже» «въ презрѣнной и безправственной игрѣ въ лаунъ-теннисъ»... Вообще усердно (и это вѣрно!) «занимался игрою въ Толстовство» (см. цитов. «*Правда*»..., стр. 20)... Словомъ, жизнь его очень и очень поучительна! Съ этимъ могутъ не согласиться развѣ какіе-либо «черносотенцы» и «мракобѣсы»... Но кто же на нихъ обращаетъ вниманіе?

Для характеристики писательства Толстого поучительны слова самого графа, сказанныя имъ по одному поводу въ 1895 г.:... «я такъ никогда не знаю, что выйдетъ изъ этого, что я пишу, и куда оно меня заведетъ, что я самъ не знаю, что я пишу теперь»... (стр. 31 у *Кони*). Что вѣрно, то вѣрно. Теперь для всѣхъ и понятно, почему, напр., религіозно-философскія сочиненія Толстого полны всякаго вздора, приводящаго въ безконечное изумленіе всѣхъ читателей, еще не потерявшихъ способности здраво мыслить. Если человѣкъ пишетъ и «самъ не знаетъ, что пишетъ», то развѣ удивительно послѣ этого графскія нелѣпости о религіи, о христіанствѣ, его бессмысленныя и ребяческія толкованія св. Евангелія и пр., т. е., все то, чѣмъ наполнены его религіозно-философскія макулатурныя писанія? Рука пишетъ, а голова о томъ не вѣдаетъ... Какъ-то легче на душѣ стало послѣ такого толстовскаго признанія, а то невозможно было и понять: какъ человѣкъ со здравымъ умомъ можетъ додуматься до обычной Толстому бессмысленной абракадабры?

Интересно, какъ отзываются Кони о нѣкоторыхъ произведеніяхъ Толстого..., напр., о «*Власти тьмы*», о «*Крейцеровой Сонатѣ*» и друг.

Во «*Власти тьмы*» «изображена»-де «глубокая драма въ средѣ, гдѣ предполагалось, на взглядъ поверхностнаго наблюдателя, все простымъ, несложнымъ и грубообыденнымъ» (стр. 8 у *Кони*).

Драма-то драма... Это вѣрно. Но столь же несомнѣнно и то, что,—какъ мы въ свое время подробно выясняли (см. цитов. мою статью: «*Къ характеристикѣ*» и т. д. «*По поводу*

миллионных... увлечений драмою графа Л. Толстого: *Власть тьмы*),—ни одно изъ дѣйствующихъ лицъ, сколько-нибудь существенныхъ, не охарактеризовано авторомъ болѣе или менѣе безупречно: всюду или ненатуральность, или неожиданность, или просто сплошная странность. Основная тема о власти тьмы не выяснена солидно и обоснованно. Не въ томъ же, конечно, должно состоять ея разъясненіе, чтобъ всюду направо и налево преподносить читателю «дьявола, чорта, кобеля»... Въ читателѣ остается дикое впечатлѣніе, какъ если бы онъ вышелъ чуть ли не изъ самаго ада. И вотъ лица, не бывавшія нигдѣ за предѣлами столицы, да и то «Невскаго» лишь, «Морской»...,—лица, лишь только по наслышкѣ знающія о томъ, что гдѣ то течетъ деревенская жизнь, или наблюдавшія ее только изъ желѣзнодорожныхъ вагоновъ, изъ яснополянскихъ барскихъ хоромъ...,—кричатъ: какъ точно, какъ вѣрно изображена она графомъ во *Власти тьмы*,—какое обнаружено имъ знаніе и глубокое ея пониманіе и проч.! Между тѣмъ истинный, подлинный видъ деревенской жизни совсѣмъ иной: въ немудрыхъ грудяхъ сѣраго люда—мало мѣста для власти зла; этого мѣста гораздо больше въ грудяхъ лицъ, изумляющихся мужиковскому певѣжеству. Мы, конечно, не были въ Ясной Полянѣ, да и не собираемся туда, но за то были и жили во многихъ другихъ деревняхъ и въ городахъ Россіи—сѣверной, срединной и южной, и думаемъ, что яснополянскіе мужички ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ крестьянъ остальныхъ русскихъ мѣстностей...,—и не только думаемъ, но и убѣждены въ этомъ. И посему заключаемъ, что такой нравственной тьмы, какая изображена графомъ, въ дѣйствительности не могло быть и въ Ясной Полянѣ. Драма графа возбуждаетъ просто лишь «отвращеніе къ крестьянамъ», хотя они и не хуже (по своей душѣ) самихъ «господишекъ». Не удивительно, что «пѣса не правилась никому» изъ бывшихъ въ Александринскомъ театрѣ на первомъ ея представленіи, «что она не произвела никакого впечатлѣнія», что «публику» больше интересовало лишь то, какія «колѣна» выдѣлывали актеры, такъ какъ «самая драма оказалась» зрителямъ «ненужной и чужой» (см. «*Петерб. Газету*»: 1895 г., № 337. № 346). На «сѣрую-же публику» пѣса скорѣе всего производитъ лишь «безнравственное впечатлѣніе» (чит. В. Л-тина: «*Не безнравственное ли впечатлѣніе производитъ Власть тьмы* гр. Толстого на серую публику?» СПБ. 1896 г.), подобно без-

численнымъ нынѣшнимъ кинематографамъ... (чит. цит. мою статью: «*Къ характеристикѣ*».... стр. 723—724). А иностранные театры, не имѣющіе ни малѣйшаго представленія о русской жизни, превратили «Власть тьмы» уже въ сплошную карикатуру, подобно тому, какъ, изображая, напр., минувшимъ лѣтомъ русскую революцію, одинъ парижскій театръ нарядилъ ходившихъ по Невскому и Морской революционеровъ по-царевкокшайски: сапоги бутылками, поддевки, непременно казачьи шапки, кнуты... А женщины всѣ въ кокошникахъ и какихъ-то невиданныхъ сарафанахъ. При этомъ постоянно говорятъ: «нишево» и «красный шортъ»... А французы въ восторгѣ..., подобно тому какъ въ восторгѣ отъ «*Власти тьмы*» всѣ потерявшіе здравый смыслъ толстофилы, не позволяющіе никому и пикнуть противъ ихъ кумира...

«*Крейцерова Соната*» — «удивительное произведеніе, съ которымъ слѣдовало бы настоятельно знакомить всѣхъ молодыхъ людей, вступающихъ въ жизнь» (стр. 8 у *Кони*).

Только потому, что мы уже привыкли выслушивать отъ г. Кони самыя неожиданныя и самыя странныя сужденія, не слишкомъ удивляемся и въ данномъ случаѣ. Г.г. Стаховичи (о «свободѣ совѣсти»), Таганцевы (о «смертной казни»)..., а теперь г. Кони приучили нашъ слухъ ко всякимъ диковинамъ, противнымъ логикѣ и здравому смыслу.

Покойный проф. А. Θ. Гусевъ уже давно показалъ истинную цѣнность «*Крейцеровой Сонаты*» и «*Послѣловія*» къ ней (чит. его сочин. «*Бракъ и безбрачіе въ Крейцеровой Сонатѣ и Послѣловіи къ ней графа Л. Толстого*»: 3-е издан. Казань, 1901 г.). Онъ справедливо утверждаетъ, что, если «кто сколько-нибудь уразумѣлъ сущность ученія гр. Толстого», то такой человекъ «не можетъ не знать, что, съ его точки зрѣнія, семья, при теперешнихъ условіяхъ жизни, не должна имѣть мѣста среди истинныхъ толстовцевъ и что воспитаніе дѣтей дозволительно только въ духѣ его радикальной пантеистическо-соціалистической системы. Еслибы наивные люди, почерпающіе нравственные уроки изъ этихъ графскихъ произведеній, «уразумѣли настоящія требованія отъ нихъ со стороны» послѣднихъ, «то о благотворномъ дѣйствіи ихъ не стали-бы и заикаться, а не только-что восторженно разглагольствовать»... (стр. 6). Эти произведенія Толстого «способны только вредно вліять на людей довѣрчивыхъ..., но не обладающихъ здравыми убѣжденіями и неспособныхъ къ надлежащей критической

оцѣнкѣ прочитаннаго. Отъ этихъ» сочиненій «возможенъ самый разнообразный вредъ: въ нихъ преднамѣренно выдаются за истинно-христіанское ученіе безусловно противныя ему взгляды; подъ прикрытіемъ возвышенныхъ фразъ выдвигаются на первый планъ чувственные, животные интересы; отрицается первичная и самая необходимая форма всякой общественности; половыя и семейныя отношенія изображаются только въ уродливыхъ своихъ проявленіяхъ и парочито мрачными красками; истина превращается въ своего рода игрушку»... (стр. 7—8). Отсюда естественно и необходимо, что здравомыслящіе люди не рекомендуютъ «*Крейцеровой Сопаты*» etc., а—вопреки Кони—поступаютъ совсѣмъ иначе. Напр., «директоръ почтоваго департамента въ Америкѣ—Файнеръ издалъ приказъ, воспреещающій разсылку *Крейцеровой Сопаты* по почтѣ. Въ Германіи и Австріи» печатно и путемъ лекцій не разъ «предохранялась публика отъ вреднаго» вліянія и «*Крейцеровой Сопаты*, и *Послѣловія* къ ней»... (стр. 8). Американка «Елизавета Фильсъ» писала: это (*Крейцера Сопата*)—«одно изъ тѣхъ произведеній, которыя по прочтеніи скорѣе прячутъ, чтобъ никто не увидалъ ихъ на столѣ»... Это—«образчикъ того, что мы можемъ ожидать отъ испорченности нашего времени... Психологія Толстого—простая фізіологія... У него отсутствуетъ простой человѣческій стыдъ» (стр. 9)... Ну, чтожъ? Рекомендуйте подобныя книги своего друга русской публикѣ, г. Кони! Рекомендуйте! Поблагодарятъ Васъ жертвы Ваши...

Но какъ-же, однако, грустно отъ сознанія, что потеряли способность отличать правую руку отъ лѣвой даже такія лица, какъ г. Кони! Чего же ожидать отъ другихъ? Вотъ ужъ именно «*глаголющія быти мудры, обзюродѣша*» (Римл. I, 22)!.. «Толстоизмъ», говоритъ *Нордау*, всюду «сдѣлался знаменемъ И по такому знамени легче всего судить о паденіи современной литературы и о силѣ вырожденія и истеріи культурныхъ народовъ. Это—настоящіе *сумерки народовъ*» (см. сочин. проф.-прот. о. Т. И. Буткевича: «*Послѣднее сочиненіе графа Л. Н. Толстого—Царство Божіе внутри васъ. Критическій разборъ*». Харьковъ. 1894 г; стр. 187). Вѣрно! Тысяча разъ вѣрно!

Изъ отдѣльныхъ, болѣе выдающихся, пунктовъ ученія Толстого Кони отмѣчаетъ, конечно, и пунктъ «о непротивленіи злу». Рассказываетъ о своихъ препирательствахъ съ графомъ. Припоминаетъ, между прочимъ, что онъ—Кони—въ опроверженіе толстовскаго ученія указывалъ на «изгнаніе торжниковъ

изъ храма», на «проклятіе смоковницы» и на заповѣдь Христову о любви къ ближнимъ до самопожертвованія за нихъ, при чемъ прибавлялъ, что «пожертвовать жизнью невозможно» — де «безъ наличности борьбы, т. е., противленія». Здѣсь Кони, конечно, ошибается: извѣстно много случаевъ, когда одинъ жертвуетъ собою за другого безъ всякой борьбы, какъ-бы ее ни понимать. Толстой указывалъ противнику своему, что «въ связи съ призывомъ *не противитесь* подразумевается слово *насиліемъ*». Кони основательно возражалъ «примѣрами изъ жизни, гдѣ насиліе неизбѣжно и необходимо и гдѣ» иначе выступаетъ на сцену уже «попустительство и даже пособничество злему дѣлу». Доселѣ все еще болѣе или менѣе сносно въ разсужденіяхъ Кони, за исключеніемъ вышеотмѣченнаго случая. Толстому не представлялось никакой возможности отстоять свою фальшивую точку зрѣнія. Но Кони, видимо, былъ несвѣдущъ въ дѣлѣ умѣнья правильно толковать библейскій текстъ и потому толстовскую «ссылку» на послѣдній (т. е., конечно, на Матѣ. V, 39), на филологическій его смыслъ оставилъ безъ надлежащаго вниманія (прочитавъ диссертацию *проф. А. Θ. Гусева: «О сущности религіозно-нравственнаго ученія Л. Н. Толстого»*; 2-е изд., Казань, 1902 г.; глава 2-я.—г. Кони многому-бы поучился и разбилъ-бы толстовскіе доводы безъ особеннаго труда). А Толстой воспользовался экзегетическимъ невѣжествомъ Кони и насочинилъ ему три короба всякихъ небылицъ, противъ которыхъ послѣдній не нашелся что-либо возразить. «Толстой»,—говоритъ Кони,—«не уступалъ и утверждалъ, что въ еврейскомъ текстѣ не говорится о вервѣи, взятомъ Христомъ для изгнанія торжниковъ, а лишь о длинной тонкой вѣтви или хворостинѣ, которая была необходима для удаленія скота изъ храма»... (стр. 18—19 у *Кони*). Однако-же, и комично читать о ссылкѣ графа на «еврейскій текстъ» Евангелія! Гдѣ онъ видѣлъ этотъ *еврейскій* текстъ? Вотъ ужъ правда, что если слѣпецъ поведетъ другого слѣпца, то обое упадутъ въ яму. Это и случилось съ г.г. Толстымъ и Кони. Не имѣя никакого представленія о св. Евангеліяхъ, объ ихъ происхожденіи, языкѣ и т. д.,—они, тѣмъ не менѣе, съ невѣроятной развязностью разсуждаютъ объ этого рода вопросахъ и, предполагается, не допуская никакихъ возраженій, назовутъ всякаго оппонента отсталымъ, невѣждою и т. д. Еслибъ два гимназиста—первоклассника вздумали рѣшать вопросы высшей математики, то, право, не наговорили-бы большаго вздора... Но оставимъ въ

сторонѣ приснившійся желавшему выпутаться толстовскому самолюбію еврейскій текстъ, поставившій въ «тупикъ» невѣжественнаго же въ данномъ случаѣ г. Конн. Исторія объ изгнаніи торжниковъ имѣется у всѣхъ 4-хъ Евангелистовъ. При этомъ ни слова не говорится о «верви» ни у Матѳея (гл. 21, ст. 12—13), ни у Марка (гл. 11, ст. 15—17), ни у Луки (гл. 19, ст. 45—46). Говорится о немъ только у Ев. Іоанна: гл. 2, ст. 15. Толстой, слѣдовательно, могъ имѣть въ виду только 4-е Евангеліе, написанное безусловно на греческомъ языкѣ, а не на другомъ какомъ-либо, что столь же несомнѣнно, какъ любая математическая аксіома. Въ евангельскомъ текстѣ ясно сказано: «и сотворивъ бичъ отъ вервий»...=«и, сдѣлавъ бичъ изъ веревокъ»...=«καὶ ποιῶν ῥαγέλλον ἐκ σχοινίων»...= «factoque flagello e funiculis»... Откуда «сочинитель»—графъ взялъ «длинную тонкую вѣтвь или хворостину», это извѣстно только его разнуздавшой фантазіи... Толстофилы—де повѣрятъ... Но. если, толкуя исторію изгнанія торжниковъ и пр., графъ всюду нелѣпо и дурно фантазировалъ, то это-же и въ такой-же степени слѣдуетъ сказать и про его рѣчи о проклятіи смоковницы. По горделивому графскому заявленію, «сказаніе о смоковницѣ, лишенное яснаго смысла, попало»—де «въ евангеліе по недоразумѣнію, вслѣдствіе какой-либо ошибки переписчика». Что,—видите ли,—«намъ» не-ясно, то, разумѣется, попало «по ошибкѣ переписчика». Что къ «нашимъ» взглядамъ не подходитъ, то, конечно, внесено «по недоразумѣнію». Въ подобныхъ случаяхъ, однако, личныхъ—субъективныхъ часто впечатлѣній вѣдь недостаточно. Требовались-бы данныя болѣе солидныя, сколько-нибудь резонныя..., но ихъ графъ и не думаетъ представлять. Посему и его утвержденія не имѣютъ ни смысла, ни значенія. Вѣдь, если стать на его точку зрѣнія, тогда одинъ отчеркнеть въ Евангеліяхъ одно, иной другое и т. д., и въ концѣ концовъ отъ Новаго Завѣта можетъ ничего не остаться. Мнѣ не правится, напр., русско-японская война, и я зачеркиваю ее въ русской исторіи. Мнѣ не правятся балканскія событія въ іюнь—августъ 1913 г., и я ихъ зачеркиваю. Для меня-де не ясно что ли, изъ-за чего «славяне» перессорились между собою или изъ-за чего японцы были недовольны Россією и пр.,—и вотъ я ставлю крестъ на указанныхъ историческихъ событіяхъ. Тутъ-де «ошибка переписчика»—и только! Далекое, г. Толстой, можно уйти, да и ушли Вы съ Вашими «научными» (!!!) пріемами! А г.г. Конн подхваляютъ (стр. 18—19).

Кони говоритъ, что Толстой считалъ возможнымъ для себя «выбирать изъ евангелія лишь часть—этическое ученіе—и... отвергать одновременно все остальное»... (стр. 45). Посему—де онъ «разграничивалъ ученіе Иисуса Христа отъ Его жизни и личности» (стр. 44 у Кони)..., принимая одно въ произвольно, извращенно истолкованномъ видѣ, т. е., въ сущности отвергая...,—и зачеркивая другое или, по крайней мѣрѣ, освѣщая его, въ свою очередь, также субъективно, тенденціозно. Въ результатъ ничего и не остается, рѣшительно ничего въ сущности ни отъ «историческаго» (подлиннаго), ни отъ «этического» (тоже подлиннаго) «содержанія» Евангелій... Характеризуя въ данномъ случаѣ Толстого, Кони, видимо, относится къ нему съ одобреніемъ. Хорошо!.. Едва ли бы, однако, онъ одобрилъ подобные приемы, еслибъ кто либо во время его прежней судейской дѣятельности сталъ *такимъ* образомъ относиться къ тѣмъ или инымъ документамъ, предъявленнымъ въ судъ по тому или иному дѣлу!..

Впрочемъ, едва ли всегда и правильно понималъ взгляды Толстого г. Кони! Такъ, кое-гдѣ (см., напр., стр. у Кони—35, 43, 44) онъ касается волновавшаго графа вопроса о будущей загробной жизни... и въ результатъ пишетъ, будто бы воспроизводя слова Толстого: «Да!.. За гробомъ будетъ индивидуальное существованіе, а не Нирвана и не сліянiе съ міровой душою» (стр. 43). Да знаетъ ли г. Кони о пантеизмѣ Толстого? Если знаетъ, то его слова болѣе, чѣмъ странны,—а если нѣтъ, тогда онъ не за свое дѣло взялся. Какъ видно изъ сочиненій самого Толстого, онъ отвергаетъ ученіе о будущемъ «воскресеніи мертвыхъ» и о «жизни будущаго вѣка»,—вѣчной. Мало того: графъ увѣренъ,—видите ли,—въ томъ, что и сами представители Церкви будто бы «не вѣрятъ» ни «въ воскресеніе мертвыхъ», ни «въ адъ» (чит. Толстого «Обращеніе къ духовенству»; изд. «Своб. Слова», № 81. А. Tchertkoff. Christchurch, Hants, England. 1903; стр. 43)... И самое состояніе человѣка за гробомъ онъ, какъ пантеистъ, понимаетъ пантеистически (чит. его «Христiанское ученіе»; изд. Вл. Черткова, № 10. Purleigh, Essex, England, 1898, стр. 131—133) (чит. цит. мою статью: «Другъ или врагъ Христовъ—Толстой?» См. въ отдѣльномъ ея отискѣ стр. 34 и слѣд.). О какомъ тутъ «индивидуальномъ» бытіи можетъ быть рѣчь? Да и трудно, конечно, было г. Кони правильно охарактеризовать Толстого даже и въ томъ случаѣ, еслибъ онъ могъ

отнестись къ нему безпристрастно, спокойно,—*трудно*... потому, что у него нѣтъ достаточной подготовки для уясненія серьезныхъ религіозно-философскихъ вопросовъ и пр. Слова свои онъ употребляетъ безъ необходимой продуманности. То у него «судьба... сохранила... Толстого» (стр. 4), то онъ вообще «благодарить судьбу» (стр. 33)..., то «Бога» (стр. 17). Видите ли: «Богъ привелъ» его «узнать» яснополянскаго безбожника и циника, глумившагося надъ всѣмъ божественнымъ и священнымъ! Далѣе, видимо, ни Толстой, ни Кони не имѣютъ и понятія о «категорическомъ императивѣ Канта», если первый утверждаетъ, что «какъ скоро признанъ» этотъ «императивъ», то ео ipso «уничтожается самый судъ передъ его требованіями» (стр. 34 у *Кони*),—и если второй не сопровождаетъ столь самоочевидно—вздорнаго утвержденія графа подобающей рецензіей. Графъ Толстой, подписывавшійся даже «ложной фамиліей» (см. мою цитов. статью: «*Послѣдній христіанинъ*»...), и «категорическій императивъ»! Графъ Толстой, всячески и безмѣрно кривлявшійся (почитайте хотя бы о томъ, какъ онъ комично и безуспѣшно, по словамъ А. Сейронъ, «пытался бросить куренье»: чит. стр. 19 цитов. брошюры: «*Правда о графѣ Л. Толстомъ*»), и Кантъ! Другое дѣло: Толстой и Кони. Обое—изъ одного «міра»,—обое берутся за разрѣшеніе непосильныхъ имъ вопросовъ, воображая наивно, что для этого не требуется ни подготовки, ни соотвѣтственнаго настроенія... «Онъ могъ иногда заблуждаться» (стр. 56 у *Кони*),—къ удивленію читателя, говоритъ Кони о своемъ «духовномъ свѣтилѣ» (стр. 4)... Мы уже видѣли, однако, что онъ и *постоянно* заблуждался, когда говорилъ по религіозно-нравственнымъ вопросамъ вообще и специально-христіанскимъ въ особенности. Не менѣе его въ общемъ заблуждается и г. Кони, когда, покинувъ специально-изученную имъ область, вступаетъ въ другую—совершенно ему невѣдомую, берется тономъ непогрѣшимаго судьи разсуждать по религіозно-нравственнымъ вопросамъ, разбирать евангельское ученіе и пр. Для того, чтобъ судить по юридическимъ, напр., вопросамъ, г. Кони обязательно потребуетъ предварительной научной подготовки и потребуетъ, — прибавимъ, — резонно. А для того, чтобъ обсуждать подлинность евангельскихъ повѣствованій, филологически толковать евангельскій текстъ и пр. и пр.,—для этого,—видите ли,—не нужно никакой подготовки. Не говорилъ-ли и М. О. Меньшиковъ о ненужности и чуть-ли не

вредѣ образованныхъ «поповъ»? И такъ, берите въ руки Евангеліе и распоряжайтесь имъ, какъ хотите: что не нравится, отбрасывайте, заявляйте, что это внесено случайно безграмотнымъ переписчикомъ,—или перетолковывайте неудобныя мѣста, какъ вамъ вздумается: бумага-де все терпитъ... Напр., если сказано: «не убій», то толкуйте эти слова такъ, что не слѣдуетъ наказывать убійцъ, — но что самимъ послѣднимъ не слѣдовало бы предварительно совершать преступленій, этого-де въ текстѣ библейскомъ не содержится (нынѣ въ подобныхъ экзегетахъ недостатка нѣтъ)... Всегда среди толпы найдутся готовые Васъ слушать... Кликушескія и безграмотныя вылазки нѣкоторыхъ изданій (минувшимъ лѣтомъ) противъ моихъ статей о смертной казни или недавно о дѣлѣ Бейлиса могутъ служить прекрасной иллюстраціей въ данномъ случаѣ.

Однако, довольно! Очень достаточно!

Графиня А. А. Толстая—тетка графа Л. Толстого—даетъ ему совершенно правильную характеристику (стр. 48 у *Кони*): «не успѣвъ уяснить себѣ свои собственныя мысли», Толстой, по ея словамъ, «отвергъ святыя, неоспоримыя истины, впалъ въ мнимо-христіанское учительство и дошелъ до ужаснаго:—возненавидѣлъ церковь, плодомъ чего явился бѣшеный пароксизмъ невообразимыхъ взглядовъ на религію и на церковь, съ издѣвательствомъ надъ всѣмъ, что намъ дорого и свято». «Признавая, что» графъ «хуже всякаго сектанта и что послѣ того, какъ злой духъ, древній змій, вложилъ въ его душу отрицаніе—за стуломъ его, какъ писателя, сталъ самъ Люциферъ, воплощеніе гордости—графиня постановляетъ суровый окончательный приговоръ о Львѣ Николаевичѣ»... ¹⁾

Приговоръ,—добавимъ,—совершенно справедливый и идущій отъ лица, которое заподозрить въ «поповствѣ» и пр. уже никакъ нельзя... Справедливый..., вопреки Вашему, г. Кони, несправедливому, глубокоошибочному и пристрастному, тенденціозному...

Да и да!..

Профессоръ А. Бронзовъ.

¹⁾ Подобнымъ же образомъ здраво отзывался о Толстовскихъ бредняхъ неліцемерный другъ графа поэтъ Полонскій (чит. мою статью: „Неизмѣнный поклонникъ Л. Толстого въ роли критика идей послѣдняго“: „Церк. Вѣстникъ“ за 1896 г., № 15). Ему-бы и подражали всѣ прочіе друзья яснополянскаго фантазера! Было-бы лучше и согласнѣе съ истиной...